

Из дальних странствий
Восп. Москва. - 1992. - 22 июня. - С. 8.ЧЕРТОВА
ДЮЖИНА

Владимир Филиппович Коралли — один из популярнейших и теперь уж, наверное, старейших мастеров советской эстрады. В театре, которым он руководил, долгие годы пела Клавдия Шульженко. Сейчас В. Коралли пишет книжки воспоминаний. Он — историк искусства, писатель. Публикуемые путевые заметки из его будущей книги «Куплетист из Одессы» и особенно приложенная к ним фотография замечательно рисуют нас невероятностью самого факта: читатель, скорее всего, и не подозревал, что где-то мог сохраниться снимок человека, которого мы давно привыкли считать только литературным персонажем.

СУЩЕСТВУЕТ поверье, что тринадцать — число неудач, неприятностей, одним словом — число несчастливое. Не знаю, как для кого, но лично для меня оно самое счастливое. Моя долгая жизнь — тому подтверждение: как-никак она прошла под знаком 13, а я уже пятый год живу на своем девятом десятилетии.

Тринадцать — мое число. Начать с того, что у моей матери было тринадцать детей, и самым младшим — тринадцатым — был я. Во-вторых, когда в поездах или самолетах, в театре или кино мне достается тринадцатое место, у меня всегда хорошее, я бы даже сказал, чудесное настроение.

Так было и 13 мая 1989 года, когда самолет Аэрофлота взял курс на Нью-Йорк. Люди летели с разной целью. Кто по делам, кто на постоянное жительство, кто, как и я, в гости. Атмосфера была самой доброжелательной. Впервые оказавшись в такой обстановке, я невольно подумал: «Каким же нужно быть врагом рода человеческого, чтобы придумать злое, сиющий национальную вражду, этот позорный пятый пункт всевозможных наших анкет. Казалось бы, этот «пункт» касается всех национальностей нашей страны. Но, как показала сама жизнь, его всегда особенно чувствовали и чувствуют евреи».

Поэт Евгений Евтушенко нашел точные слова:

Что будут делать антисемиты,
Если последний русский еврей
Выскользнет
Зернышком через сито, —
Кто будет враг?
Из каких зверей?
Что, если к нашему с вами позору,
Тоже еврей,
Оскорбленный до слез,
За выездной визой к посольству
Встанет смертельно уставший
Христос!

Но в самолете, летящем в Нью-Йорк, никто не думал ни о каких пунктах. Все двенадцать часов пути мы непринужденно и дружески общались между собой.

...Меня встречали мои племянники Евгений и Роман Дубровские со своим внуком Дмитрием. Шуткам, тостам и розыгрышам не было конца. Когда за одним столом собираются одесситы, есть на что посмотреть и что послушать!

Надо сказать, что потрясло меня в Америке не изобилие супермаркетов, не «скромная» пенсия моих племянников (не будучи финансистом, я так и не смог подсчитать, сколько моих пенсий укладывается в их пятьсот долларов у каждого). Меня потрясла даже не вежливость молодого негра, уступившего мне место в наземной электричке, в то время как мои соотечественники на Родине этого не делают. И не удивительно тактичная, но безукоризненно четкая работа американских полицейских, не реагирующих на

выкрики пьяного молодца, но немедленно вмешивающихся, как только пьяница толкает прохожего, — не это потрясло меня в Америке. Нет, не это, а удивительное ощущение, что я — дома.

Я часто гулял по бруклинскому «деревянному» бульвару, растянувшись на восемь километров вдоль песчаного пляжа на берегу океана. На этом бульваре, напоминающем мне нашу одесскую Лузановку, — сверкающий паркет и стерильная чистота: ни бумажки, ни окурка, на каждом шагу пластиковые ящики для мусора. Дети резвятся на роликах и велосипедах. Через каждые 50 — 100 метров — уютные маленькие кафе и ресторанчики на пять-шесть столиков. Я зримо и осязаемо вспоминал нашу Дерибасовскую времен нап.

Однажды Роман резко затормозил у супермаркета.

— Дядя, я забыл купить твои любимые греческие масла.

— Это, Роман, такие же, как были когда-то в нашей наповской Одессе? Крупные, морщинистые, про которые Мишка Япончик мог сказать: «Это то, что доктор прописал!»

— Кто это, Мишка Япончик? — спросил семнадцатилетний Дмитрий, внук Романа.

И меня захлестнули воспоминания...

Знаменитый «король» одесских налетчиков Мишка Япончик, известный всему миру под именем Бени Крика, знаменитого бабелевского персонажа, был одной из ярчайших личностей старой Одессы. Это был колоритный тип романтического разбойника и авантюриста. В девятнадцатом году Одесса бредила Япончиком. Говорили, что он никогда не грабит врачей и артистов. Что страстно любит театр, кино и особенно дивертисменты. В Одессе в то время было два «короля» и одна «королева»: «король» налетчиков Мишка Япончик, «король» куплетистов Лев Зингерта и «королева» экрана Вера Холодная.

«Мальчики», как любил их называть Япончик, работали очень картинно — на вечерах и маскарадах появлялись в смокингах, ничем по облику не отличаясь от господ, и вежливо просили дам и кавалеров расстаться с драгоценностями. Никакой грубости, хамства, а тем более насилия не допускали, только поигрывали своими никелированными браунингами.

Этот Робин Гуд уголовного мира был моим преданным зрителем. Я часто видел Мишку Япончика в окружении его «мальчиков» в зрительном зале во время своих выступлений.

Моя единственная личная встреча с грозой одесских толстосумов произошла в двадцатом, незадолго до гибели Япончика. Две золотые пятерки, пожалованные мне королем налетчиков, сделали меня, че-

тырнадцатилетнего пацана, кормильцем большой семьи...

Вот что я рассказал Дмитрию. А через несколько дней меня ожидал удивительный сюрприз... В Нью-Йорке, Бруклине, Атлантик-Сити я повидал многих москвичей, ленинградцев, но больше всего, конечно, одесситов. И вот как-то в разговоре с одним из моих земляков я услышал, что в Брайтоне, на Шестой стрит — недалеко от дома моих племянников, живет со своей женой Исаак Винницкий, родной брат Михаила Винницкого — того самого Мишки Япончика, то есть Бени Крика из книг И. Бабеля.

Когда мы встретились с Исааком Винницким в его пенсионерской квартире, состоящей из спальни, гостиной и так называемой кухни — а фактически столовой двадцати квадратных метров (в США такое жилище называется однокомнатной квартирой!), хозяин сразу признался, что помнит еще молодого куплетиста Володю Коралли, выступавшего в иллюзиях на Молдаванке, где он со своим братом Мишей часто бывал.

Я был удивлен, когда узнал, что он, так же как и мой отец Эфраим Кемпер (моя настоящая фамилия), в начале века работал в Одесском порту в артелях хлебобулочной конторы братьев Манделевич, грузивших зерно — пшеницу, кукурузу, овес на океанские пароходы.

Здесь, на Брайтоне, я и узнал подробности гибели Михаила Винницкого, командира отряда 54-го Всеукраинского полка — Мишки Япончика, направленного Одесским горсоветом в район Бирзулы-Ванярки на борьбу с Петлюрой. Сразу же после изгнания из Одессы белогвардейцев Япончик организовал отряд и обещал кровью оправдать доверие молодой советской власти. В первом же бою отряд неорганизованных «мальчиков» Винницкого был разгромлен, бойцы во главе со своим командиром бежали в Одессу. В 120 километрах от города, на перроне Вознесенского вокзала, согласно телеграмме председателя реввоенсовета республики Троцкого, Михаил Винницкий был арестован. Казацкий атаман Урсолов привел в исполнение приговор — «расстрелять».

Наверное, «мальчики» поклялись отомстить за своего вожака. Может быть, они выразились словами бабелевского Бени Крика: «Клянусь гробом моей матери, Савка, ты ляжешь рядом с ним...»

А дальше было так. В городе Вознесенске на русско-еврейском кладбище были вырыты две могилы. На похороны своего бесследно погибшего командира съехались все однополчане Винницкого, их было около ста человек...

И на этом же кладбище никому неизвестный местный священник отпел лежащего в другой могиле атамана Урсолова — «мальчики» сдержали свое слово...

...А чертова дюжина все-таки счастливая! Полтора месяца, проведенных в США, останутся в моей памяти на всю жизнь. Когда я улетал, мое место в самолете было тринадцатое.

Вл. КОРАЛЛИ.